Боги в пижамах: Евангелие от непослушных

«Как дети спасают души взрослых, пока те ищут смысл в инструкциях по воспитанию»

ЧАСТЬ I

«ДЕТИ СПУЩЕНЫ С НЕБА, НО МЫ ВСЁ ЕЩЁ СТАВИМ ИМ ДВОЙКИ ПО ПОВЕДЕНИЮ»

(ИЛИ: «КАК НЕ УСЛЫШАТЬ БОГА, ЕСЛИ ОН ОРЁТ В ПЕСОЧНИЦЕ»)

Здесь мы говорим о том, как душа ребёнка воплощается не для подчинения, а для вспоминания. Дар — не всегда с бантом. Иногда он приходит в форме кашля, швыряния ложек и внезапного молчания.

«Ребёнка нельзя оставить одного, даже если он один сидит в углу».

(Януш Корчак)

Я помню, как однажды, ещё до начала времён, когда вселенная только чесала себе живот и лениво выдувала галактики, древние духи предков собрались на совет и решили: «Пусть пойдёт один… маленький, но с даром!» И вот появляется ребёнок. Гулко ступает по коридорам реальности, в пижаме с мишками и взглядом, полным вечности. А племя… племя протирает очки и смотрит в другую сторону, делая вид, что важнее всего ипотека и «он же мальчик, что ты от него хочешь».

А у ребёнка внутри сияет сияющая капсула дара. Только язык у него пока не завезли, и он выражается то соплями, то истерикой, то полным молчанием с глазами, в которых вселенная пишет трактат. «Не слушается!» — кричат. А он не слушается, потому что слышит другое. Потому что слышит зов.

Я часто думал: а что, если душа ребёнка — это письмо из прошлого, написанное чернилами судьбы и вложенное в хрупкий конверт тела? А мы вместо того чтобы читать — грызем уголки, вырываем страницы, жалуемся на почерк. Ведь это же не они «не слушаются». Это мы не слушаем.

Когда ребёнок бьёт ложкой по полу, он не шумит. Он бьёт в барабан, чтобы призвать внимание духов. Когда орёт в супермаркете, он не манипулирует — он пытается сбросить оковы невидимой тревоги, которой обмазался, потому что «папа опять занят», а «мама устала». А он — жрец тишины, которой нет. Не избалован, а забытый. Не капризный, а одинокий. Не плохой — просто непонятый.

— «Ну, ты же знаешь, с ним всегда проблемы», — говорят.

А я хочу взять этих «всегда» и размазать по небу, как масло по

горячему солнцу. Потому что не бывает «всегда». Бывает усталость от того, что никто не читает детей как писания. А они — Евангелие в кедах. Тора с синими коленками. Коран, проливший компот на ковер. Не ангелы, но точно посланники.
И вот говорят: «Ты плохой мальчик». И в груди у него сжимается древний храм. Плитка за плиткой отваливается, пока в нем не остаётся только эхо. Он идёт и думает, что он ошибка. Он вырастает и продолжает быть этой ошибкой. Пишет имейлы начальнику и чувствует себя виноватым. Готовит борщ и сомневается, правильно ли он чувствует любовь. Всё ещё ребёнок, но в брюках на резинке с ценником из «О'кей».
И если бы я был богом, я бы сказал так:
— Не судите детей. Они судят вас.
Не потому что мстят. А потому что отражают.
А если ребёнок бьётся в истерике — возможно, он просто шаман. Его ритуал непонятен, но важен. И если ты остановишься, присядешь на корточки, уберёшь страх и добавишь смешной нос из шарика — он увидит в тебе племя. А значит, не один. А значит, возможно, спасён.
Но кто же сломал ребёнка? Кто вбил гвоздь в позвоночник его веры в то, что он хорош? Это не бабайка и не сатана. Это мы — люди в костюмах, с деловыми планами и «я тебе всё дал». Мы — камикадзе чужих ожиданий. И когда ребёнок становится «трудным», может быть, он просто хочет, чтобы кто-то рядом научился не быть лёгким.

ЧАСТЬ II
«МОЛЧИ! — СКАЗАЛ ВЗРОСЛЫЙ, И ТЕМ САМЫМ РАСПЕЧАТАЛ АД» (ИЛИ: «ВНУТРЕННИЙ РЕБЁНОК БЬЁТСЯ В ИСТЕРИКЕ В ТЕЛЕ HR-МЕНЕДЖЕРА»)

Здесь откровение: «проблемные дети» — это пророки, которых мы не поняли, потому что ждали мессий с инструкцией, а не с криками и конфетами в ухе. Не воспитывай — **присутствуй**.
«Ребёнок — это зеркало. Зеркало, в котором отражается душа воспитателя».
(Януш Корчак)
Смотрю на ребёнка, который орёт, как будто у него в животе дракон поджарил фикус, и думаю: это не он орёт. Это орёт поколение. Это через его голос кричит бабушка, которую били ремнём за пролитое молоко. Кричит дедушка, которому говорили: «Мужики не плачут!» Это сквозь его крик летит эхо старых,

неутешенных, неутомлённых, недолюбленных. Это не каприз. Это гимн боли, зажатый в маленькую гортань.
А родители стоят и мечтают о кнопке «Выключить». Где бы такую поставить — между ушами или прямо в глаз? Но нет такой кнопки. Есть только провод. И если ты не подключён, если не в сети любви, то ни один ребёнок не будет с тобой синхронизирован. Ибо Wi-Fi отношений не ловит там, где нет присутствия.
Ребёнок не знает, как сказать: «Я боюсь одиночества», поэтому он кидает машинку тебе в лоб. Он не может объяснить: «Мне страшно, что ты больше любишь телефон, чем меня», — поэтому он орёт в торговом центре, как маленький пророк апокалипсиса.
И тогда мы говорим: «Он невыносимый!»
А он на самом деле говорит: **«Вынеси меня!»**
Вынеси меня из этой темноты, из этой пустоты между нами. Из холодильника молчания, где нет любви, только рацион.
Мы даём детям одежду, игрушки, кружки, планы на будущее — но забываем дать главное: чувство, что их **видят**. Не оценивают, не сравнивают с соседским Васей, а **видят**. Целиком. С их колдовством, нелогичностью, чудачеством, грустью, радостью, безумием, желанием нарисовать дракона на потолке — фломастером, конечно.
Ребёнок не рождается, чтобы «соответствовать». Он рождается, чтобы быть. Его душа пришла издалека — не из роддома, а из той самой пыльной библиотеки между мирами, где записаны все судьбы. И ты, взрослый, не тренер по поведению. Ты проводник. Поводырь. Или охранник клетки.
Когда ты говоришь: «Будь как все!» — ты бьёшь молотком по вазе, которую духи лепили десять тысяч лет.
Когда ты кричишь: «Ты меня позоришь!» — ты скручиваешь ребёнку антенну, через которую он ловит сигналы смысла.
Когда ты вздыхаешь: «Вот с сестрой не было проблем…» — ты приравниваешь душу к унитазу: мол, течёт — значит, плохой.
И вот он сидит, и в нём живёт червяк вины.
И потом он растёт. И всё ещё сидит. На совещаниях, на свиданиях, на курсах по самореализации.
И червяк всё грызёт: **«Ты не такой…»**
Если бы мы хотя бы раз сказали ребёнку: **«Ты странный, и это прекрасно»** — то он бы вырос в мага, а не в офисного страдальца.
Если бы мы не исправляли, а удивлялись. Не заставляли, а прислушивались. Не лепили из него образ, а позволили ему быть

образом Божьим — каким угодно, хоть в ковбойской шляпе и с липкими пальцами.
Но мы выбираем контроль. Мы выбираем оценки.
И становимся дирижёрами оркестра, в котором никто не хочет играть.
А ребёнок… он просто хочет танцевать. Даже если под эту музыку вообще нельзя.

ЧАСТЬ III
«ВЕЛИКИЙ ВЗРОСЛЫЙ ИЛИ ВЕСТНИК ОБЛАМАННЫХ НАДЕЖД?» (ИЛИ: «ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ОН СТАЛ НОРМАЛЬНЫМ, А ОН ПРИШЁЛ БЫТЬ ЖИВЫМ»)

Завершаем мы тем, что каждый ребёнок — алтарь, а мы вокруг прыгаем с линейкой и журналом. Но спасение возможно: **если ты начнёшь с себя.** Обними внутреннего дитя. А потом — купи мороженое и заплачь на детской горке. Это и есть взросление.
«Ты говоришь, что воспитываешь детей… А я говорю: смотри на себя. Они уже смотрят».
(Януш Корчак)
Иногда мне кажется, что дети видят нас лучше, чем зеркала. Только они не отражают форму — они отражают содержание. Мы прячем злость в вежливые фразы, усталость в обязанности, разочарование в советы. А ребёнок стоит и смотрит, будто сканирует душу:
«Ты говоришь правильные слова, но в тебе нет любви. Где ты, на самом деле?»
Ребёнок не воспитывается, он **впитывает**. Не то, чему ты его учишь, а то, кем ты **живёшь**.
Если ты кричишь в пробке, а потом говоришь: «Будь вежливым» — не удивляйся, что он матерится на кота.
Если ты сам живёшь, как будто каждый день — подвиг ради чужого одобрения, он вырастет не счастливым, а **удобным**.
А удобные люди плохо летают.
И вот ты пытаешься вырастить послушного — а выходит оторванный. Потому что послушание без любви — это предательство себя.
И тогда он начинает либо грызть стены, либо себя. Кто-то уходит в компьютер, кто-то в драки, кто-то в сахар.
А кто-то просто затихает. Сидит, молчит, и внутри него начинает капать ледяной дождь:
«Я не нужен. Я не важен. Я должен быть другим».

И это не он не справляется. Это ты.
Ты — взрослый, с зарплатой, дипломом и кофе — ты проигрываешь в битве с детской болью, потому что всё ещё сам тот самый ребёнок, которого не услышали.
И пока ты не обнимешь его в себе — ты не обнимешь своего сына. Ни в метафоре, ни в правде.
Я вот недавно разговаривал с одной мамой. У неё сын всё ломает. Игрушки, телефоны, нервы. А она: «Что мне делать? Наказать? Игнорировать?»
А я говорю: «Побудь с ним там, где он что-то ломает. Потому что, может быть, он просто проверяет: **сломается ли ты. Или выдержишь**. Потому что он сам треснул внутри — и не знает, как собрать себя обратно».
Ребёнок не знает языка психотерапии. Он говорит языком действия.
Плевок — это тоже письмо. Истерика — это письмо.
И вместо того чтобы возвращать конверт с пометкой **«Адресат не принят»**, — надо открыть. Прочитать.
И сказать:
«Ты имеешь право чувствовать. Даже если я не понимаю — я рядом».
А ещё я заметил: дети — это как сны. Те, что тревожат — не злые. Они просто очень важные.
И если ты просыпаешься от них с криком — это не повод пить успокоительное. Это повод пересмотреть, кем ты стал, и куда ты ведёшь того, кто идёт за тобой, держа тебя за палец.
Потому что в каждом «плохом» ребёнке живёт святой. Только в грязных штанах и с мороженым в ухе.
И каждый раз, когда ты говоришь:
«Ты разочаровал меня»,
в небе рвётся письмо, которое предки писали тысячи лет, чтобы кто-то **услышал его душу**.
И вот я стою. Смотрю на детей, которые рисуют на стене драконов, поедают муку прямо из пакета, кидаются подушками и носятся, как шаманы в кислотном ритуале…
И думаю:
Господи, какое это чудо — видеть живую душу. Невоспитанную. Неправильную. Божественную.
И шепчу себе под нос:
«Никогда не поздно стать взрослым, который наконец обнял ребёнка — сначала в себе. А потом и других».

И не забудь:
Не существует второго детства.
Но у каждого есть шанс стать тем взрослым, которого ему самому не хватило.